

Автор в зеркале текста: событие манифестации

Е. В. Осетрова

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В. П. АСТАФЬЕВА

Аннотация. Время от времени обыденное сознание воспринимает текст как сигнал какого-то события или факта, о котором в самом тексте прямо ничего не говорится. Тем не менее заинтересованный наблюдатель находит возможность раскрыть этот факт, основываясь на косвенных признаках и обстоятельствах: *По тому, как она произнесла это «умер от любви», видно было, что она сама – от любви к нему – и ко мне – и ко всему – умирает* (М. Цветаева); *Начальник конвоя так был перепуган, что выкрикнул солдатам боевую команду* (А. Солженицын).

В художественных и публицистических произведениях ситуации подобного рода описываются настолько часто, что нельзя не прийти к выводу о существовании особого фрагмента языковой картины мира – назовем его «событием манифестации», – где в качестве манифестанта выступает сам текст, а в роли субъекта события – его автор.

В статье предложена классификация текстов-манифестантов, проанализированы типичные «события выражения» (эмоции автора, его физическое и интеллектуальное состояние, отношения с окружающими), исчислены языковые средства, оформляющие подобные фрагменты.

Ключевые слова: текст, манифестант, знак, надтекстовая информация, языковая картина мира, пропозиция, предикат.

УДК 81.22, 81.42

Осетрова Е. В. Автор в зеркале текста: событие манифестации // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 183–199.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 2
© Е. В. Осетрова, 2015

Контактная информация: Осетрова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и методики КГПУ им. В. П. Астафьева (ул. Ады Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, osetrova@yandex.ru)

Время от времени обыденное сознание воспринимает текст как сигнал какого-то факта, о котором в самом тексте прямо ничего не говорится. Тем не менее заинтересованный наблюдатель находит возможность раскрыть этот факт, основываясь на косвенных признаках и обстоятельствах: *По тому, как она произнесла это «умер от любви», видно было, что она сама – от любви к нему – и ко мне – и ко всему – умирает* (М. Цветаева); *Начальник конвоя так был перепуган, что выкрикнул солдатам боевую команду* (А. Солженицын).

В художественных и публицистических произведениях события подобного рода описываются настолько часто, что нельзя не прийти к выводу о существовании особого фрагмента языковой картины мира – назовем его «событием манифестации», – где в качестве манифестанта выступает сам текст, а в роли субъекта факта его автор – центральный элемент личной сферы [Ким, 2009]¹.

Переводя далее рассуждения в более конкретную плоскость, приведем определения факта, манифестации и текста, которые оказываются здесь ключевыми элементами событийной структуры.

Понятие «факт» используем для обозначения всякого события и явления, связанного с существованием человека, независимо от того, кратковременное это состояние или свойственное ему качество, действие или движение; независимо от природы этого явления и способов его обнаружения. Такое понимание «факта» не только соответствует словарным определениям («действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло, происходит, существует» [Толковый словарь..., 2007, с. 1044]), но имеет устойчивую лингвистическую базу – «факт» употребляется синонимично или тождественно «событию», «состоянию», «предмету» в [Николаева, 1980, с. 198; Телия, 1988, с. 192; Михеев, 1990, с. 57; Арутюнова, 1999, с. 505], т. е. в общем как имя онтологической семантики.

Под манифестацией с учетом его латинской этимологии (*manifestāre* – делать явным, показывать) понимается процесс, состояние или качество, которые делают скрытый или затрудненный для восприятия факт очевидным – обнаруживают его, делают доступным для наблюдателя. Термином

---

¹ Основные фазы, составляющие языковое событие манифестации – Факт и Манифестацию, – будем обозначать далее, используя строчную букву.

в аналогичном значении пользуются в работах по семиотике [Крейдлин, 2000, с. 34, 37], прагматике [Тарасова, 1993], дискурсу СМИ [Володина, 2004, с. 27], когнитивной лингвистике [Алефиренко, 2009, с. 95].

Понятие текста в филологии относится к основополагающим. Обширнейшая литература посвящена теоретическим и практическим аспектам его изучения. Подробную и систематизированную научную критику мы находим, в частности, в книге А. А. Залевской «Психолингвистические исследования. Слово. Текст». Как пишет автор, к числу «вечных» проблем, неизбежно всплывающих в посвященных тексту публикациях, относится определение текста. Таковым будет не только языковое произведение, зафиксированное на письме, – в определенной ситуации текстом может быть и одно слово, и одна буква, и даже отдельный знак препинания (например, восклицательный знак в функции содержания важного сообщения) [2005, с. 341].

Будем исходить именно из такого интегративного понимания словесного произведения, имеющего разнообразную фактуру и направленное на реализацию определенной коммуникативной цели [Копытов, 2004, с. 10–11; Силантьев, 2006, с. 31].

В действительности, повторимся, текстовый носитель регулярно раскрывает не только языковую информацию, но при определенных условиях свидетельствует о фактах в связи с говорящим, о которых прямо ничего не говорится; тогда текст-высказывание исполняет роль полноценного манифестанта: – *Ужасно дерзкий, – сказала Марта, не потому, что думала это, а потому, что хотела угодить Вершиной* (Ф. Сологуб).

Наши наблюдения подтверждены семантическим анализом Б. Л. Иомдина, который, восстанавливая языковую модель понимания-мнения, указывает на то, что среди объектов, заполняющих валентность предиката в форме вин. пад., имеются языковые и речевые объекты:

- единицы языка и речевые акты: *слово, выражение, предложение, фраза, мысль, вопрос, просьба* и т. п.: *Но Гриша, очевидно, не нашел в этих словах ничего обидного, а даже, наоборот, понял их как наше горячее желание немедленно пойти в зал и посмотреть пьесу* (В. Каверин);
- тексты и информационные объекты: *Очевидно, фельетонист понял всю книгу так, как невозможно было понять ее* (Л. Толстой) [Языковая картина мира..., 2006, с. 553–554].

Когда субъект осмысливает текст как манифестант, он относится к нему как к слоистой структуре, несущей два блока информации. Первый из них – информация, передаваемая автором через языковую фактуру и воспринятая буквально (например, дерзость некоего субъекта, как в приведенном выше примере из Ф. Сологуба). Второй информационный блок связан с Фактом, также отнесенным к автору, о котором, однако, прямо ничего не рассказано. Поэтому адресат-наблюдатель вынужден расшифро-

вывать содержание этого Факта, переосмысливая текст и прагматические обстоятельства его порождения (желание Марты угодить адресату).

Эта двойная информативность – «текстовая» и «надтекстовая» – и составляет главную особенность текста-манифестанта.

Языковая система еще более усложняет данное положение дел.

Как следует из приведенного выше определения, текст формируют слова и предложения, образующие вербальное целое. Однако при отражении события манифестации в картине мира используется несколько пропозитивных трактовок текста-манифестанта. С учетом этого и предложена следующая типология.

Начнем с того, что текст-манифестант может быть принципиально осмыслен как феномен информационного типа, воплощенный в виде языкового произведения. В таком случае манифестант именуется *текстом, произведением, сочинением, документальными свидетельствами, сведениями, данными, материалами, записями, бумагой, информацией* [Русский семантический словарь..., 2003, с. 283–287], а еще *контентом, отрывком, строками, словами, прозой, стихами: Какой-то беззастенчивой бедностью веет от этих строк. [Уж очень мы тогда привыкли к голоду и его не стыдились, а сейчас как будто стыдно.] Подхалимством веет от этого отрывка* (М. Булгаков); *Его позиция как общественного деятеля должна проявляться через его произведения* («Советская культура»); *В каждом слове [Булнина] с неподдельной страстностью, проникнутой временами излишней желчью и гордостью, сквозила жгучая боль за Россию и любовь к Родине* («Спутник»).

Разумеется, из контекста можно установить принадлежность языкового произведения к конкретной речевой сфере, в частности к сфере художественного творчества – как в предыдущем примере, или даже его название – как в следующем: *Но как раз этой осенью Цветаева снова взрывается стихами, разбивающими в прах предположение о продолжающейся депрессии. То были «Стихи к Чехии»* («Новый мир»). Данное обстоятельство, однако, не меняет предельно общего взгляда на текст – частные его характеристики и дословное содержание кажутся неактуальными.

Изложенное отношение к тексту письменной фактуры соотносимо с идентичной трактовкой устного языкового образца. В этом случае мы имеем дело с теми же *словом / словами*, с лексемами *речь, разговор, высказывание, фраза* [Русский семантический словарь..., 2003, с. 285–289], а детальное содержание информации опять-таки неактуально: *Нечто неизменно более значительное, чем только личная неприязнь, звенит теперь в речи Табун-Турковского* (Л. Леонов); *Он [принялся рассказывать Марусину о своем отъезде] и сам упивался своими словами, источавшими легкий аромат грусти* (Н. Коняев).

Текст как манифестант представляют и более специфично: значимой для ситуации становится его жанровая принадлежность. Это уже не

абстракция, а целеориентированные *беседа, допрос, жалоба, заклинание, запрет, история, комплимент, похвала, претензия, приветствие, разрешение, тост, увещевание, шутка или кляуза, повесть, посвящение, стихотворение, статья, хроника* и т. д. Сотни классифицированных по различным основаниям речевых жанров и речевых актов даны в современной научной литературе и словарях [Русский семантический словарь..., 2003, с. 283–313; Дементьев, 2010, с. 294–304].

Как видно, и в таком случае важно деление на устные и письменные жанры, а поскольку последние очень популярны в манифестирующей функции, то объяснима их детальная классификация, например, на произведения социальной, научной и художественной принадлежности; ср.: *В его речи* [имеется в виду жанр публичного выступления. – Е. О.] *были отвлечены не только позерство, не только снисходительность, небрежность, не только какое-то страшное в те годы для еврея гусарство, но то обстоятельство, что никто не заставлял его выступать* (В. Каверин); *Беседа двух президентов отличалась небывалым дружелюбием и откровенностью* («Вечерняя Москва»); и: *Свидетельством окончательной победы над историками <...> стали два тома статей, направленных против Покровского* («Литературная газета»); *Он пишет тебе посвящение на своей последней книге стихов <...> Впервые в жизни настоящий большой поэт признал тебя за равного* (М. Влади); *Его крошечные рассказы представляют собой образец бережливости по отношению к каждому слову* (В. Каверин).

Наконец, наиболее изоморфными будем считать описания, в которых текст, манифестирующий некий Факт, передается дословно или почти дословно, оформленный в прямой / косвенной речи: *Об учености Гладышева говорил хотя бы тот факт, что на деревянной уборной, стоявшей у него в огороде, большими черными буквами было написано WATER CLOSET* (В. Войнович); *Тут он окончательно растерявшись, промямлил, что признает свою ошибку* («Огонек»); *Он вошел и, сев у стола, начал рассказывать, что устал, чувствует отвращение к еде, чувствует старость. Киселева поняла, что ему нужно было поговорить с кем-то, выговориться, а в ее советах он не нуждался* (В. Каверин). Иногда внимательному наблюдателю, занимающемуся поиском языковых манифестаций, достаточно одного слова, чтобы сделать полноценный вывод о Факте: *Наш техник, имея головокружение, начинает говорить уже на каком-то старорежимном наречии с применением слов «господа». Это он, наверно, от сильного волнения порастерял некоторые свойства своей новой личности* (М. Зощенко).

В результате обнаружены три типа текста-манифестанта, связанные с его языковой трактовкой. Метафора восприятия помогает понять разноплановость этого семантического обзора:

- общий взгляд на текст-манифестант, когда он представлен как некая абстрактная единица и рассматривается как бы издалека: в фокусе оказывается языковое произведение в целом и его фактурные контуры (назовем данный вариант «текст-феномен»);
- более конкретный в образ текста «на среднем плане», когда при описании события значимым оказывается его прагматический аспект – его жанровая принадлежность, сфера обращения и целеполагание автора («текст-жанр»);
- не исключено, наконец, рассматривание текста-манифестанта с близкого расстояния; тогда передается его содержание, иногда дословное, а форма его воспроизведения квалифицирована как наиболее изоморфная действительности («текст как информационный сигнал»).

Важно, что подобная содержательная тройственность зафиксирована в семиотическом определении текста, вернее, в формулировке программы его изучения: «Современное семиотическое исследование... считает текст одним из основных исходных понятий, но сам текст мыслится не как некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функций: как текст может выступать и отдельное **произведение**, и его часть, и... **жанр** <...> В понятие текста вводится презумпция создателя и аудитории <...> Третьим компонентом является наличие определенных **структурных признаков** [в том числе словесных], воспринимаемых как сигналы текста (выделено мной. – *Е. О.*)» [Лотман, 1992, с. 179].

Отметим, что среди текстов-манифестантов выделяются единицы, к которым языковой субъект относится с наибольшим интересом. Имеются в виду, во-первых, дословно переданное высказывание, во-вторых, *письмо* и, в-третьих, *слова*, репрезентирующие устный текст-феномен.

Что обуславливает приоритет этих трех манифестантов по сравнению с прочими?

Все они сигнализируют о психическом либо социально-психическом состоянии субъекта: [*«Если есть судьба, то она похожа на Бетти», – подумала я и, испугавшись этой «недетской» мысли, воскликнула: – Папа, смотри, он пяточок подобрал!* (О. Берггольц); *Исчезли также около полутора тысяч моих писем, которые, безусловно, грешили преувеличенной влюбленной восторженностью* (М. Влади); *Слова хлынули из его уст, как это свойственно человеку, охваченному божественным порывом радости* (В. Гюго).

Готовность устных текстов передавать психические движения субъекта можно не обсуждать: человек говорит и волей-неволей проявляет в выбранной стилистике, в просодических и экстралингвистических качествах речи – интонациях, высоте и громкости голоса, тембре и темпе разговора, рисунке пауз и покашливании – внутреннее состояние в момент коммуникации.

Письмо, на первый взгляд, выбивается из предложенного ряда, поскольку относится к письменным жанрам. Однако неофициальное письмо

по многим характеристикам, например по степени интимности, приближенно к устной речи, предоставляя автору максимальную свободу в выражении истинных чувств. Сюда же отнесем сходство эпистолярного стиля с разговорной речью вследствие размытости социальных, этикетных, жанровых установок, которые весьма ощутимы в других жанрах².

Письма-манифестанты, как и устные высказывания, – типичные носители разнообразных состояний, отношений, действий, движений. Языковое сознание приписывает им универсальную способность сигнализировать о событиях, происходящих с человеком в любой из сфер его существования – социальной, интеллектуальной, психической и физической; ср.: *Я увидел страшного человека – от строк письма повеяло 1937 годом, лагерями и массовыми расстрелами* («Красноярский комсомолец»); *Все письма матери, в сущности, были невысказанной горячей и жалкой просьбой: не погибнуть* (Э. Казакевич); *Остается посочувствовать нашим читателям, которым, судя по тону письма, кофе не достался* («Красноярский комсомолец»).

Что касается фактов, манифестируемых словами, границы их значительно более узки – охватывают за немногими исключениями лишь психическое и социально-психическое состояния субъекта: *Слова булькают в горле – это сердце кровоточит* (Й. Авижюс); *Кстати, мой друг <...> совсем раскис. За весь день он и пару слов не промолвил* (Ф. Искандер).

Если судить по привычному для них синтагматическому окружению – *неустовое, неповторимое слово; взрыв слов; слова источали аромат грусти; слова булькают в горле; слова хлынули потоком; исковерканное, несуществующее слово вырвалось у него сквозь зубы*, – слова приобретают в позиции манифестанта откровенную эмоциональную ауру. Лексема как будто втягивает в свое значение смысловые оттенки яркого, но неопределенного чувства, испытанного героем, а затем точно зафиксированного в правом контексте. Эта специфическая функция возникает у слов именно при считывании языковым сознанием их «второго плана», поскольку прежде всего они используются для передачи содержательной информации об авторе текста.

Типология манифестантов четко соотносится с различными манифестациями и типологией событий / фактов. Попробуем прояснить данную взаимозависимость.

Повторимся, текст-манифестант может быть осмыслен как специфический феномен языковой природы. Способ Манифестации, по которому устанавливается Факт, часто вообще не описывается; вернее было бы сказать, он неопределенно выражен: *Как показывает почта, они [пенсионеры] внимательно читают прессу, находятся в курсе всех дел и, что нема-*

² Еще одним традиционным жанром, подходящим для выражения чувств и эмоций, является дневник. Следует предположить, что в событии манифестации он будет функционировать аналогично письму.

ловажно, являются наиболее дотошной и придирчивой частью населения («Красноярский комсомолец»).

Отсюда проглядывает связь между абстрактностью манифестанта и Манифестацией: она подана предельно обще через формулу *судя по*, глаголы-классификаторы *выражать/ся, отражать/ся, проявлять/ся, показывать, отличаться* либо метафоризованные предикаты проявления *звенеть, веять, сквозить, источать* и т. п. Последние, хотя добавляют образности, мало проясняют специфику знака.

Манифестирующая фаза может в принципе исчезать из описания, если на первое место выходит восприятие (глаголы *слышать/ся, чувствовать/ся, угадывать/ся*); к примеру: [*Говорила она, как мне показалось, совершенно искренне.*] *Более того, в словах угадывалась грусть* («Красноярский комсомолец»).

Встает вопрос, находит ли Манифестация конкретное выражение, и если да, то в какие формы оно отливается? Материал заставляет положительно ответить на этот вопрос.

Часто манифестирующим выступает один из параметров текста: *От избытка глубокого чувства я говорил ничего не значащие слова* (О. Бальзак). Причем характеристики эти имеют различную природу:

- базируются на представлениях о языковых и речевых нормах и конвенциях – *безграмотная речь, неуместное высказывание*;
- касаются текстовой формы (воспроизведения / произнесения / написания) – *исковерканное слово, плавный разговор*;
- сигнализируют о национальной принадлежности контента – *иностранное качество речи, английская фраза*;
- намекают на жанровые рамки текста – *информационные, утешительные слова*;
- относят к содержанию – *оригинальное высказывание, умные слова, мудрые речи*;
- передают эмоциональный накал высказывания – *неистовое слово, взволнованная речь*, – не исключая формы интенсивности; см. пример: *Вдруг какое-то исковерканное, несуществующее слово, означавшее даже не полет, а стремглавное орлиное падение на добычу, вырвалось у него сквозь зубы. Только Обрядин, больше всех понимавший лейтенантское сердце, сумел перевести это на язык военной команды. – А ну, дай копоту, сынок!* (Л. Леонов).

Итак, манифестирующие признаки, свойственные тексту как феномену – речевые, языковые, содержательные, психологические, – трансформируются по преимуществу в форму квалификатива. Но и он с легкостью опускается, когда Факт приравнен к конкретному высказыванию: *В наших [взволнованных] речах слышался, хотя и законспирированный, вопрос: – За что вы его убили?* (В. Каверин).

Напрашивается вывод, что «текст-феномен» квалифицирован обыденным сознанием как «записной» манифестант, настолько органичный в этой функции, что конкретный способ проявления Факта либо игнорируется, либо приобретает статус характеристики, слитой с текстом. Если сравнить текстовый манифестант с *глазами* и *лицом*, легко заметить сходство; ср.: *В глазах / в речах его сквозила грусть; В ее словах / лице угадывалось плохо скрытое раздражение.*

Оформлено событие манифестации в подобных случаях стандартно, в простых предикативных единицах. Хотя возможны случаи усложненного воплощения события с использованием логических пропозиций, указывающих на взаимосвязь Факта и Манифестации (тождество, сравнение, характеристика, каузальные отношения), общая трактовка «текста-феномена» как типичного манифестанта налицо.

Другое содержание корреляции «Манифестант – Манифестация» обнажается при анализе текстов с очевидными жанровыми признаками (тип «*т е к с т ы - ж а н р ы*»). В отличие от предыдущего случая здесь существует множество способов, сигнализирующих о манифестирующей функции жанрово ориентированного текста; перечислим их:

- качественная характеристика текста; в том числе
  - собственно оценочная характеристика
    - *плохой, хороший, талантливый, замечательный, посредственный, никакой;*
    - характеристика текстовой формы
      - *большая, объемная, крошечная, стандартная, средних размеров:*
Зоценко нервничал, написал нам письмо – читать его и сегодня страшно, оно написано умирающим человеком, почти без существительных («Советская культура»);
    - характеристика содержания текста
      - *умное, глупое, несуразное, ненужное.* Нередко встречается выделение темы – *статьи против писателя; реклама красоты; рецепты о здоровье* – либо делается акцент на каком-то значимом для Манифестации аспекте:
Было как-то непонятно старикам, что она там, в городе, то ли актриса, то ли поэтесса, поскольку знакомые ее, судя по письмам, были сплошь артисты да поэты (З. Гареев);
    - характеристика эмоционального «сопровождения»
      - *печальное, тихое, требовательное, нежное, издевательское, сварливое, жестокое:*
Напишу письмо, умное, продуманное, страстное. Она не сможет не понять, что такая любовь выпадает только раз в жизни (Й. Авижюс);
  - процесс работы с текстом
    - *появиться, завершить; писать, править, редактировать, сокращать, создавать, творить; подписать; слушать, читать:*

И эту книгу я пишу из одного сознания долга, потому что в моих руках скопилось слишком много рассказов и воспоминаний, и нельзя дать им погибнуть (А. Солженицын); Когда Никитин подписал какой-то манифест одной из пролетарских литературных групп <...> подпись косвенно отражала мнимую солидарность «серапионов» с этой группой (В. Каверин);

- количество текстов

– два тома статей; куча статей; множество рассказов; масса ответов:

Последние годы ты будешь готовиться перейти на прозу, ты напишешь несколько рассказов и сценариев (М. Влади);

- интенсивность их производства

– взорваться стихами; поток рецензий; вал статей; письма учащаются:

А английский писатель был ужасно недоволен, что едет не экспрессом, а скорым, и непрерывно донимал балтийского матроса <...> политическими претензиями (О. Берггольд);

- место производства / опубликования

– на своей последней книге стихов; в СМИ; на партах в самых неожиданных местах; в крепкой крестьянской избе; на пленумах районной организации:

Для прозы территория Колымы была слишком опасна, рисковать можно было стихами, а не прозаической записью. Вот главная причина, почему я писал на Колыме только стихи (В. Шаламов);

- время производства

– за январь того же года; как раз этой осенью; еще до выхода августовского номера с главами «Архипелага»:

Если судить по его письмам, относящимся к марту 1917 года, он, по видимому, не представлял ни степени сотрудничества социалистов с либералами при создании Временного правительства, ни степени участия в этом событии, по крайней мере в тот конкретный момент, широких масс («Советская культура»);

- позиция адресата

– письмо С. Залыгину; обращение к президенту; послал мне:

Историю эту он поведал нам скорей по необходимости, чем по общительности характера (М. Зощенко); Письма к ее чешской приятельнице теперь особенно учащаются. И это не просто акт дружбы или сочувствия <...> Это связано еще и с тем, что чем дальше, тем меньше находит Цветаева вокруг себя близких людей («Новый мир»).

В конце концов, сама жанровая принадлежность текста мыслится как перманентная манифестация: неожиданная похвала, нецензурный монолог, покаянное письмо:

В этот день мать моя с утра была не в духе, делала ненужные замечания гувернантке («Новый мир»); Свекровка будущая, точно, нервничала,

и разговор от этого плохо клеился (Н. Катерли); Начальник конвоя так был перепуган, что выкрикнул солдатам боевую команду (А. Солженицын); По протоколам видно, каким вниманием был окружен А. В. Чаянов и с каким почтением к нему относились во время заседаний («Литературная газета»).

Интересно, что манифестирующие параметры, исчисленные выше, представляют почти полный набор прагматических характеристик высказывания. Перед нами поэлементарно представленная классическая ситуация речи: ее процесс, участники, обстоятельства, а главное, текстовый продукт-результат.

Такое разнообразие семантических аспектов наводит на мысль о том, что тексты-жанры уже нельзя квалифицировать как типичные манифестанты, для которых функция выражения органична настолько, что можно уводить ее в пресуппозицию. Об уменьшении «языкового доверия» свидетельствует и пропозитивный уровень, в частности характер связи между пропозициями и их отбор.

Оказывается, что в описание события манифестации (с текстами-жанрами) часто вводятся глаголы с семантикой осмысления – *догадываться, заключать, знать, полагать, понимать, судить, убеждаться* и т. п.: Он <...> судя по редким весточкам из своего укрытия, пребывает в мерзком настроении («Литературная газета»).

Это предпочтение свидетельствует об особом усилии субъекта в процессе истолкования Факта, что, в свою очередь, представляется языковым следствием наивного недоверия к текстам-жанрам как манифестантам: данная роль для них второстепенна, следовательно, надо прилагать особый труд для правильного истолкования информации.

Характер соотношения фаз подтверждает тезис, высказанный выше. Факт и Манифестацию регулярно заводят в границы логической пропозиции: семантика требует сигнала о том, что две фазы связаны как причина и следствие, поскольку устойчивых отношений между ними не существует. Текст-жанр выступает манифестантом *ad hoc*. Популярными отсюда становятся сложные высказывания, объединенные союзной или бессоюзной каузальной связью: *потому что, так как, вот главная причина, почему..., быть продиктованным*.

Аналогичная картина в отношении Манифестации вырисовывается на поле «т е к с т а как и н ф о р м а ц и о н н о г о с и г н а л а».

Кажется, что текст, переданный дословно с пониманием обстоятельств его возникновения, запросто манифестирует событие, в котором участником заявлен его автор: ведь состояние и характер активности субъекта неизбежно отражаются на его речевой деятельности. Однако эту информацию второго плана (помимо собственно языковой информации) еще нужно суметь воспринять и правильно квалифицировать.

Поэтому дословным текстам функция манифестанта приписывается по случаю, в зависимости от глубины прочтения адресатом их прагматического содержания: – *Он очень подходит для этой роли, – шепнула мне мама. – У него тоже нет ни кола, ни двора. Я понял, что она сказала это, чтобы подбодрить меня* (К. Бьёрнстад).

Языковые последствия этого в принципе предсказуемы: сложное предложение как предпочтительная конструкция, активация логических операций, особый акцент на осмыслении, широкий спектр способов Манифестации.

Обратим внимание только на два момента, отличающих текст как информационный сигнал его от предыдущих типов.

Первое замечание относит к завершающему этапу события манифестации. Фазы ее восприятия и осмысления здесь равноправны: *понять / думать, что... и видеть, разглядеть, обнаружить: Обнаружила я ее Петербург сразу, по ее «худо» вместо московского «плохо»* (М. Цветаева).

Правда, предикаты зрительного восприятия выступают в подобных контекстах в непрямом значении: *По тому, как она произнесла это «умер от любви», видно было, что она сама – от любви к нему – и ко мне – и ко всему – умирает* (М. Цветаева). По отношению к устному текстуманифестанту они скорее функционируют как предикаты осмысления: *видишь, т. е. понимаешь*. Данной пропозиции как будто недостаточно собственных предикатов, и она заимствует их из языкового аппарата восприятия.

В подобном заимствовании есть определенный смысл. При восприятии текста адресат, начиная его обработку, автоматически ориентируется прежде всего на языковую часть информации. Но в нашем случае необходимо понимание другого содержательного пласта – информации косвенного типа. Это интеллектуальное действие на «втором плане» фиксируют глаголы зрительного восприятия, подтверждая то обстоятельство, что в обыденной картине мира развито представление о двух разных вариантах прочтения конкретного текста.

Второе замечание касается способов Манифестации. В целом они представляют тот же список, что и для текстов-жанров. Однако акцент здесь смещен на пословную передачу содержания. Кроме того, принципиальным будет фактор авторства, то, кто произнес / написал текст. Рассмотрим в данной связи три фрагмента:

Струечка... Секундочка... Все у нее [С. Е. Голлидей] было уменьшительное (умалительное, умолительное, умилительное...), вся речь. Точно ее малenькоcть передалась ее речи. Были слова, словца в ее словаре – может быть и актерские, актрисинские, но, боже, до чего это иначе звучало из ее уст! Например, – манерочка. Как я люблю вашу Алю: у нее такие особенные манерочки... Манерочка <...> нет, не актрисинское, а институтское (М. Цветаева);

«Горячо поздравляю славным семидесятилетием от всего сердца желаю здоровья и многих лет такого же плодотворного служения нашей великой Родине и делу мира Лев Шейнин». Только подпись выдавала чуть заметную смену в их отношениях – послание к 60-летию Андрея Януарьевича завершалось иначе: «Крепко вас обнимаю и целую горячо вам преданный Лева («Литературная газета»);

– Ничего, брат, не поделаешь... Надо <...> Что означало для Федина это короткое слово? Во-первых, разрыв между тем, что он говорил, и тем, что он думал <...> во-вторых, это «надо» означало именно тот отклик на уже сложившееся отношение к роману, которого от Федина ожидали (В. Каверин).

Безусловно, автор текста – центральная фигура события манифестации. В конечном счете цель наблюдателя – выяснить, что происходит именно с этим субъектом. Однако мы имеем в виду его более специальную, технологическую что ли, функцию.

Если авторство квалифицировано как манифестирующий признак, это значит, что слово / высказывание / текст становятся выразителями Факта потому, что написаны или произнесены конкретным человеком. Это доказывает последний пример, описывающий речевое поведение К. Федина: *надо*, сказанное кем-либо другим, не было бы осмыслено как Манифестация описанного события, поскольку только судьба и жизнь советского писателя К. Федина, ее обстоятельства, личностные качества «героя» позволяют заинтересованному наблюдателю делать столь обширные выводы, видимо основанные на одном лишь слове.

В заключение сопоставим типы текстов и манифестируемое ими «фактическое» содержание, основываясь на собранной иллюстративной базе. При этом мы отвлекаемся от частных и группируем факты по сферам жизнедеятельности человека, к которым они относятся (социальная, интеллектуальная, эмоциональная и физическая):

Сфера	Факты (%) в различных типах текста		
	текст-феномен	текст-жанр	текст как информационный сигнал
Социальная	58	61	50
Эмоциональная	27	20	17
Интеллектуальная	–	6	18
Физическая	4	8	6
Контаминация сфер	11	5	9

Большая часть текстов-манифестантов, судя по данным, выступают как знаки событий социальной сферы.

Любой текст публикуется именно для того, чтобы быть освоенным окружающим автора социумом. Порождая текст, человек стремится к общению с другими людьми, со значимой для него аудиторией. Поэтому текст – один из важнейших показателей групповой принадлежности человека, что отражается не только в манифестациях, но и в обстоятельствах его производства. Даже классические дневники, первоначально ориентированные на автокоммуникацию, нередко становятся достоянием обществу, а в последние десятилетия, с выходом жанра в Интернет, активно трансформируются в блоги и массово обсуждаются интернет-сообществом [Интернет-СМИ ..., 2011, с. 290–294; Лимонова, 2011].

События интеллектуальной и физической сферы находят свое проявление в текстовой фактуре значительно реже, чем социальная или психическая. К текстам как к манифестантам такого содержания обыденное языковое сознание, видимо, относится с известной долей скепсиса.

Второе же место по частоте означенности занимают факты эмоциональной жизни человека. Это вполне демонстрирует фрагмент из прозы В. Шаламова, где функция манифестанта закреплена за подписью, и шире – за почерком ее обладателя: *На выведение своей фамилии Заводник тратил не меньше минуты. Там тончайшим и ярчайшим образом находили место и инициал Я, и инициал отчества О – крупнейшее, особенное О, и фамилия Заводник, крупно выведенная ясными большими буквами, и энергичный росчерк, захватывающий только фамилию, и последующие какие-то особенно сложные, особенно воздушные завитушки – как бы прощание художника с любовно им выполненной работой. Я проверял много раз в любой обстановке, хоть на седле, на планшете, но подпись комиссара Заводника будет неторопливой, уверенной и ясной.*

Какое бы событие ни происходило с субъектом, какое бы действие он ни совершал, он всегда переживает некое чувство. Качества и характеристики, особенно состояния, манифестируются текстами очень часто, поскольку имеют признаковую природу и просвечивают сквозь языковую фактуру откровенно и ощутимо. В данном случае эмоции автора и следует признать содержательным центром события манифестации.

Список литературы

Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии: Монография. М., Флинта: Наука, 2009. 344 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Володина М. Н. Язык СМИ – особый язык социального взаимодействия // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. Ч. 2. С. 11–39.

Залевская А. А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

Интернет-СМИ: теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М. М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2011. 348 с.

Ким И. Е. Личная сфера человека: структура и языковое воплощение: Монография / Сиб. федерал. ун-т. Красноярск, 2009. 325 с.

Копытов О. Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 28 с.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 68 с.

Лимонова И. А. Структура диалогового события в коммуникативном пространстве web-дневника (на материале авторского блога А. Свиридовой) // Диалог культур в аспекте языка и текста: Материалы всерос. науч.-практ. конф. / Сиб. федерал. ун-т. Красноярск, 2011. С. 115–117.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.

Михеев М. Ю. Причинная связь, обоснование и чистое объединение событий // Семиотика и информатика: Сб. науч. ст. / РАН; ВИНТИ. М., 1990. Вып. 30. С. 53–74.

Николаева Т. М. Событие как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 198–210.

Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН; Ин-т русского языка; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. 720 с.

Силантьев И. В. Газета и роман: риторика дискурсных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006. 224 с.

Тарасова И. П. Структура личности коммуниканта и речевое воздействие // Вопросы языкознания. 1993. № 5. С. 70–82.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН; Ин-т русского языка; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.

Article metadata

Title: The author in text mirror: manifestation of the fact

Author: E. V. Osetrova

Author's e-mail: osetrova@yandex.ru

Author affiliation: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev

Abstract: Occasionally ordinary consciousness perceives the text as a signal of an event / a fact about which the text itself does not expressly refer. Nevertheless, an interested observer finds an opportunity to reveal this fact, based on circumstantial evidences: *The way she said that «He has died of love», it was clear that she – from love for him – and for me – and for everything – dies* (Marina Tsvetaeva); *The convoy commander was so frightened that he shouted to the soldiers military order* (Alexander Solzhenitsyn).

This kind of situation describes so often that it would be fair to make such a conclusion about the existence of a particular fragment of the language picture of the world – we call it "demonstration event" – where the text is used as a signal of indirect event.

Author of the paper provides a classification of sign-texts, analyzes the typical «events of expression» (author's emotions, his physical and mental condition, facts of relationship), enumerates language tools, designed such fragments.

Key terms: text, marcher, sign, indirect information, language picture of the world, proposition, predicate.

Reference literature (in transliteration):

Alefirenko N. F. «Zhivoe» slovo: problemy funkcional'noj leksikologii: Monografija. M., Flinta: Nauka, 2009. 344 s.

Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.

Volodina M. N. Jazyk SMI – osobyj jazyk social'nogo vzaimodejstvija // Jazyk sredstv massovoj informacii kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya: Ucheb. posobie. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. Ch. 2. S. 11–39.

Zalevskaja A. A. Psiholingvisticheskie issledovaniya: Slovo. Tekst: Izbrannye trudy. M.: Gnozis, 2005. 543 s.

Dement'ev V. V. Teorija rechevyh zhanrov. M.: Znak, 2010. 600 s.

Internet-SMI: teorija i praktika: Ucheb. posobie dlja studentov vuzov / Pod red. M. M. Lukinoj. M.: Aspekt Press, 2011. 348 s.

Kim I. E. Lichnaja sfera cheloveka: struktura i jazykovoe voploshhenie: Monografija / Sib. federal. un-t. Krasnojarsk, 2009. 325 s.

Kopytov O. N. Vzaimodejstvie kvalifikativnyh modusnyh smyslov v tekste (avtorizacija i persuazivnost'): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2004. 28 s.

Krejdlin G. E. Neverbal'naja semiotika v ee sootnoshenii s verbal'noj: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2000. 68 s.

Limonova I. A. Struktura dialogovogo sobytija v kommunikativnom prostranstve web-dnevnika (na materiale avtorskogo bloga A. Sviridovoj // Dialog kul'tur v aspekte jazyka i teksta: Materialy vseros. nauch.-prakt. konf. / Sib. federal. un-t. Krasnojarsk, 2011. S. 115–117.

Lotman Ju. M. Kul'tura i vzryv. M.: Gnozis; Progress, 1992. 272 s.

Miheev M. Ju. Prichinnaja svjaz', obosnovanie i chistoe ob'edinenie sobytij // Semiotika i informatika: Sb. nauch. st. / RAN; VINITI. M., 1990. Vyp. 30. S. 53–74.

Nikolaeva T. M. Sobytie kak kategorija teksta i ego grammaticheskie karakteristiki // Struktura teksta. M.: Nauka, 1980. S. 198–210.

Russkij semanticheskij slovar': Tolkovij slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij / RAN; In-t russkogo jazyka; pod obshh. red. N. Ju. Shvedovoj. M.: Azbukovnik, 2003. T. 3: Imena sushhestvitel'nye s abstraktnym znacheniem. Bytie. Materija, prostranstvo, vremja. Svjazi, otnoshenija, zavisimosti. Duhovnyj mir. Sostojanie prirody, cheloveka. Obshestvo. 720 s.

Silant'ev I. V. Gazeta i roman: ritorika diskursnyh smeshenij. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2006. 224 s.

Tarasova I. P. Struktura lichnosti kommunikanta i rechevoe vozdejstvie // Voprosy jazykoznanija. 1993. № 5. S. 70–82.

Telija V. N. Metaforizacija i ee rol' v sozdanii jazykovoj kartiny mira // Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: jazyk i kartina mira / Otv. red. B. A. Se-rebrennikov. M.: Nauka, 1988. S. 173–204.

Tolkovij slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov / RAN; In-t russkogo jazyka; otv. red. N. Ju. Shvedova. M.: Azbukovnik, 2007. 1175 s.

Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija / Otv. red. Ju. D. Apre-sjan. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006. 912 s.